

Первая ассоциация с наименованием данной работы — это «белокурые бестии» из песни начала 40-х годов XX века, где «по выжженной равнине за метром — метр идут по Украине солдаты группы Центр»...

Далее следуют уже лично мои ассоциации: опаленная солнцем и солеными ветрами Сиваша Великая Могила — наибольший курган вблизи Перекопа; следы блиндажа и окопов на склоне кургана, и тут же — предвоенный скотомогильник; вперемежку с падалью — скрученные проволокой останки людей... — Привязали их, пленных, до танка и таскали по селам. А потом, живыми еще, сбросили в скотомогильник. Они там еще с неделю стонали ли...

Великую Могилу пришлось раскапывать по необходимости: строители растаскивали ее втихую для подсыпки дороги. Ступив на эту дорогу, я увидел россыпь костей... Возмутился, конечно, наорал на строителей, заставил собрать и присыпать землю (тут же, в кювете). Но и сам — археолог — оказался не лучше. Это когда в траншею раскопа попало послевоенное кладбище — незаметное внешне, без крестов и могил; и я, ничтоже сумняшеся, махнула бульдозеристу: Круши! А после к этому позабытому кладбищу пришли однажды — по вспаханному полю, босыми, все в черном — две еще не очень старые женщины; постояли над траншеей, на нас не взглянув, — и той же дорогой ушли... Сводя потом воедино разрезы и планы раскопов, я вдруг обнаружил, что Могила представляла собою огромную фигуру беременной женщины: воплощение Матери-сырой-Земли, арийскую Матар-сура-Притхиви...

Такое вот наследие. Вот такие наследники... берущиеся судить и кроить то, что завещано хоть и «дикими», но куда как более разумными пращурами, мудрость которых стояла на том, что «многознание не научает быть умным; умен тот, кто умеет связать». Связать мир-и-войну, рождение-и-смерть. Рассмотрим, как это у них получилось.

Жрецы и воины: кто выше?

Арии — самоназвание древних племен, которые в середине IV тысячелетия до нашей эры зародились в низовьях Днепра. Имя их трактуют по-разному: и «овцеводы», и «оратаи», и «благородные»; вероятнее всего — это «ярые» во всем многообразии значений данного слова.

Арии — как впоследствии иранцы, индусы, греки, славяне, германцы и многие другие народы — произошли от более обширной и древней общности так называемых индоевропейских племен, прародиной которых была Малая Азия. Около 6200 г. до н.э. там произошел едва ли не первый в мире демографический взрыв, обусловленный переходом от присваивающего (собирательства и охоты) к производящему (земледелию и скотоводству) хозяйству — и центр древнейших индоевропейцев переместился в Подунавье, а затем и в Поднепровье, на плодороднейшие черноземы.

«Индоевропейцы» создали древнейшее на Земле государство — «Священную страну земледельцев» Аратту. Судя по археологическим данным и древнейшим же надписям, это было доклассовое — общинное или «первобытно-коммунистическое» государство, возглавлявшееся священнослужителями или «первобытной интеллигенцией». Подобно последующим славянским волхвам или же индийским брахманам, власть данной элиты зиждлась не на принуждении народа, а на самоотверженном служении его интересам.

Араттские надписи на глиняных табличках из Подунавья свидетельствуют об истоках обычаев, более или менее сохранившиеся традиции которых доньше прослеживаются в этнографии индоевропейских народов. Так, свидетельства о периодическом самосожжении жрецов, достигавших определенного возраста, следует понимать как зарождение института Спасительства, суть которого — снятие самопожертвованием основного противоречия всех времен и народов: противоречия жизни и смерти. У славян такой Спаситель именовался Масляной или Масленицей; память о нем существует доньше наряду с позже возникшим и внедренным чужеземным «Помазанником»-Христом (1). Надписи о том, как «жрица Огня возвеличила воинов — хранителей Огня, не дав им выйти из святилища» следует понимать в духе ритуальных жертвоприношений воинов жрецами. Подобные обычаи бытовали затем у скифов и галлов; их пережитки обнаруживаются в средневековых надмогильных тризнах и рыцарских турнирах.

На рубеже V-IV тысячелетий до н.э. центр Аратты (условно именуемой те-перь «трипольской археологической культурой» или Трипольем) утвердился на территории нынешней Черкасской области. Структура этого государства походила на полисную систему будущей Греции: Аратта представляла собой со-вокупность больших (площадью до 500 га) городов-полисов, каждый из кото-рых окружен был малыми селами. Здесь, в приднепровской Аратте, и зародилось, очевидно, родство весьма специфичес-ких проявлений славянской, греческой, индийской культур. Так, родственны Див, Зевс (Дзеус-Дий), Дьяус и их потомки Купала, Аполлон, Гопалан. Имена трех последних божеств связаны с «защитою»-полисом, объясняющим тайну име-ни славянского племени полян и назва-ния индийского княжества Палунь, — а также родство трех царственных бра-тьев того и другого: полянских Кия, Щека, Хорива и палуньских Куара, Мелтея («Змий», как и Щек), Хариана. Род-ственны также древнерусские Арсания — Арта (княжество и его столица в со-ставе домонгольской Руси) и индийские Бхарата — Арата (самоназвание страны и провинции в Индии). За этим родст-вом — организующие усилия и рачитель-ные традиции священнослужителей, ко-торые еще и во времена древнегречес-кого «отца истории» Геродота продол-жали свои исконные странствия от Лес-боса до Гипербореи и Гималаев, под-держивая связи между святилищами своих индоевропейских пращуров.

Формирование общности арийских племен тоже не обошлось без усилий араттских правителей. Первопричина заключалась здесь в том, что Аратта IV тысячелетия до н.э. принялась торить новый путь на свою малоазийскую прародину — из Поднепровья через Крым и Кавказ. Путь же сей пролегал через стихию кочевых скотоводов — и мог обеспечиваться отнюдь не воинской си-лой (такое не удалось даже всемогуще-му царю персов Дарию с его 700-тысяч-ным войском), а священной неприкосновенностью малочисленных групп путешественников (предтеч геродотовских странников). Такие группы жрецов ста-ли родоначальниками арийских брахма-нов — высшей касты, ставшей над воинами-раджанья, общинниками-вайшья, отверженными-шудра.

Подобное соотношение каст, как естественная иерархия общества, доны-не сохраняется в Тибете и Индии. В Ира-не его пришлось отстаивать Заратуштре, в Скифии оно пало вместе с убийст-вом Анахарсиса — которого греки при-числяли к семи мудрецам древности и который не угодил царю Савлию своим почитанием Матери Богов... На Руси ис-конная власть священнослужителей-во-лхвов закончилась в эпоху князя Вла-димира, перенявшего христианскую ре-лигию от Византии. Требуется разработки гипотеза о том, что Арсания и после крещения Руси оставалась оплотом укров, или брахманов, — древнейших, араттского происхождения священно-служителей; в то время как русы, пришед-шие путем «из Варяг в Греки», представ-ляли славян с издревле возобладавшей в их среде кастой воинов-раджанья.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что приднепровские и Русь, и Скифия, и предшествовавший им Ариан сформировались на перепутьях — «из Варяг в Греки», из Персии в Грецию, из Аратты в Шумер. Между этими тремя одновременными образованиями прослеживаются некоторые культурные и даже этнические связи. Однако, в отличие от Руси и Скифии, приднепровский Ариан не стал государством и формировали его жрецы, а не воины. Каста последних тут лишь зарождалась — причем под контролем касты мудрых священнослужителей; эти обстоятельства делают рассмотрение арийской военной доктрины особенно интересным и актуальным.

Гандхарва — арийский Спаситель

Скотоводы Каспийско-Черноморских степей впервые приручили коня; вскоре, в середине IV тыс. до н.э., кочевники нашли ему применение не только в пастушеском, но и в военном деле. Конные отряды «Новоданиловской археологической культуры» (по названию села на Нижнем Днепре) можно считать зародышем ариев.

Выше было обращено внимание на специфические схождения славянской, греческой, индийской культур. Одно из таких схождений — гандхарвы и кентавры, последние из которых на Руси именовались полканами (т.е. полуконями). Праславянам и прагрекам Аратты первые, к тому же чужеземные конники представлялись симбиозом мужчины и лошади: самих же арийских конников поражало чувство полета, поэтому индо-арийские гандхарвы представляются существами птицеподобными. Подобие усиливалось тем обстоятельством, что основным оружием древнейшей конницы стали клевцы — охотничье-боевые молоты с костяными навершиями в виде клюва ворона... Это была могучая и по тем временам непревзойденная сила!

Наряду с клевцами археологи находят также «конеголовые скипетры», условно передающие всадника на взнузданном коне... Долгое время археологи считали эти находки, встречающиеся от Дуная до Кубани и Волги, знаками вождей-патриархов. Может, оно отчасти и так. Но картина получилась намного интересней и глубже, когда эти скипетры рассмотрели в совокупности с иными находками: изображением жертвоприношения всадника на вершине Каменной Могилы (у г.Мелитополь на р.Молочной), а также подлинным жертвоприношением в основе кургана Чауш (над Ново-сельской переправой через Нижний Дунай). Сюда же были присовокуплены украинские нижнеднепровские легенды о всаднике-Первопредке или Казаке Мамае (мамаями на Украине называли каменных идолов на макушках курганов) и священные

тексты Индии, повествующие о жертвоприношениях человека-и-лошади... Картина получалась подобная той, которая описана мною в исторической повести «Гандхарва — арийский Спаситель» и в исследовании «Ведическое наследие украинского Поднепровья».

Итак, вызывался-назначался герой, который на год отправлялся странствовать по арийским просторам. (Пиетет подобного всадника-одиночки сохранился в культуре индоевропейских народов доныне: вспомним образы, созданные казачьим фольклором и поэтами наше-го времени; вспомним странствующих рыцарей средневековья или чучела всадников, которые полагалось выставлять через год после совершения погребений скифских царей...) В основе Чауша начало такого похода было обозначено рытьем человекоподобной ямы, во чрево которой установлен был столб; все это обнесли подковообразной заготовкой кургана — и на длительное время оставили засыпаться пылью, заливать дождями.

По прошествии года героический всадник возвращался назад — став уже воплощением пространства-и-времени, то есть вселенной. Он подъезжал к сооруженному племенем жертвеннику — и обряд продолжался. («На миру и смерть красна», — говорят про такое. Кто знает, не сохранились ли в обычаях прилюдных покаяний и казней пережитки изначального Спасительства.) Прослежено, что из человекоподобной ямы Чауша извлечен был деревянный столб и, вероятно, водружен затем на вершину кургана. К столбу, быть может, прибили головы принесенных в жертву существ; во всяком случае, были они обезглавлены и их черепов не нашлось. А нашлись: копыто и колено коня, брошенные в яму; уложенная сверху туша коровы (символа Брахмы-«Молитвы», как считали арии и поныне считают индусы); кучка расколотых костей человека, погребенная у южной полы («страны мертвых») яйцеобразной насыпи; при досоружении последней в воронку над жертвенной ямой бросили оставшиеся кости всадника — коня-и-мужчины.

Кульминация обряда изображена на вышеупомянутом рисунке с Каменной Могилы. Лежащие лошадь и человек представлены здесь у подножия человекоподобного идола — «Отца существ» Праджапати, в которого, судя по индо-арийским текстам, надлежало воплотиться в момент самопожертвования герою Гандхарве. Слева от идола нанесен календарь, акцентирующий летнее солнцестояние (не Купальскую ли ночь?). А справа нарисованы подобия свастики и пастушьего посоха, между которыми — нечто вроде безликой головы божества; это, вероятно, символ «Сияния» — Вираджд, в которое воплощался воскресающий Праджапати-Гандхарва.

Так брахманы-жрецы обуздали сти-хийную мощь древнейшей в мире конницы арией. Они акцентировали ее оду-хотворенность и самоотверженное служение обществу, готовность сражаться за жизнь и преодолевать саму смерть.

Следует знать, что тут обошлось без призывов и лозунгов, что использовалось тут биофизическое естество чело-века (2). Возвратившийся для самопожертвования всадник не просто олице-творял собою Вселенную, но и приносил племени мощнейший концентрат био-поля. Жертвоприношение и причастие вызывали коллективный стресс — использовавшийся жрецами для вскрытия и очистки подсознания своих соплеменни-ков. Одновременно с очищением жре-цы усиливали программы коллективиз-ма и патриотизма, приобщенности к ми-розданию и бессмертия души... в общем, мудрецы несколько подавляли здесь вещество или тело индивидов — во имя расцвета поля или души народа. Ибо душа и народ главнее тела и особи; об этом знает ныне науки, это же прекрас-но понимали и мудрецы арийских пле-мен. Понимали и делали.

А институт Спасительства был в том деле основой основ. В воинском искус-стве Востока такая основа существует поныне. На поднепровской прародине ариев она просуществовала до времен казаков-запорожцев; ее хранителями были легендарные рахманы и характерники. Нынешние воинские присяги и про-чий идеологический антураж — лишь слабый отблеск Спасительства.

«Белокурая бестия»: убийца иль возродитель?

В арийской триаде Гандхарва — Праджapati — Виradж (предтече хрис-тианской Троицы), связанной с брахман-скими учениями о карме и йоге, хорошо прослеживается также основа воинских самоотверженности и героизма. Она — в обоснованной вере в бессмертие души и периодичность телесных ее воплоще-ний. Именно в этом обнаруживается ко-ренное расхождение исконного и совре-менного понимания воинский доблести.

Исконным идеалом считается Индра — основной персонаж арийской Ригведы, древнейшей священной книги Земли.

На первый взгляд Индра, действительно, выглядит воителем «без страха и упрека». Несмотря на увещания матери, он рождается необычным путем — через бок, да еще и убив при этом отца. Явившись на свет, Индра тут же вступает в битву с врагами — которые подстерегали его при рождении, а затем не желали поделиться оружием. Не поддерживаемый (кроме Вишну) никем из богов, юный герой вступает в схватку с самым страшным врагом — предводителем змеевидных демонов Вритрой и побеждает его. Пришлые в Индию арии постоянно призывали Индру на помощь в своих схватках с местным населением — дасу. Это-то и акцентировалось затем в идеологии «Третьего рейха».

На деле мифологический образ «бе-локурой бестии» намного сложнее и глубже. Это особенно наглядно при анализе первых археологических его воплощений, сопоставляемых с текстами той же Ригvedы.

Воплощения Индры нагляднее всего представлены в курганах у с. Старого-рожено на р. Ингул и у г. Комсомольск в устье р. Псел. В первом случае захоронение женщины с ребенком, уложенным у ног поперек таза усопшей, было устроено в головной части змеевидного кромлеха (ограды из каменных плит) и перекрыто змеевидной же стелой; все это иллюстрирует миф о рождении героя, подстерегавшегося змиями Вьянсой и Вритрой. Первый из врагов ассоциировался, вероятно, с «каменным небом» и Дьяусом-«Небом» — который считался отцом Индры; ясно, что не «убив» такого отца, «воскресающий» покойник не смог бы «родиться». Следующее по времени арийское захоронение было перекрыто тремя стелами; одну из них можно считать воплощением Индры, другую — воплощением обезглавленного им Вьянсы, а лежавшую между ними — воплощением палицы-ваджры, которой был совершен этот подвиг. Затем последовали погребения под парами стел, одна из которых воплощала Индру, а другая — его соратника Вишну... Их же пары периодически устанавливались на алтаре святилища, обнаруженного в основе кургана Кор-милица неподалеку от Комсомольска. Алтарь был окружен рвом в виде змия Вритры. По прошествии года или двух стелы свергались и лежали у алтаря до водружения на него новой пары; старая после этого вкалывалась в ров вниз головой, т.е. «Вритра в очередной раз воскресал и пожирал своих бывших победителей — до следующего Нового года». В Индии свержение и сбрасывание в реку новогоднего идола Индры осуществляется на седьмой день после его водружения.

Особо следует остановиться на ваджре, магическом оружии Индры. По всем данным изначально оно представлялось фаллосом быка или, точнее, Тельца в новогодний период весеннего равноденствия. Небесное солнце начинало тогда набирать свою силу, подземные источники и наземные реки освобождались тогда ото льда — и все это ассоциировалось с возрождением, с мифическими деяниями воскресающего покойника Индры. Его фаллос отождествлялся с тельцовым, что особо наглядно

представлено в одном из погребений Мариупольского могильника: к тазу покойника были приложены фигурка быка и булава с крестовидным навершием. фаллическая же форма была придана стеллам-ваджрам из курганов у Комсо-мольска и Старогорожено. Это оружие символизировал также крестовидный жертвенник над «погребением Индры», которое было устроено под хвостом каменного «Вритры» в кургане у хутора Кременчук, у скалистого берега Южно-го Буга. А прерывистый ров вокруг кургана символизировал, очевидно, последующее убийство и расчленение страшного змия.

Итак, ведический Индра оказывается возрождающимся покойником, воинский пыл которого направлен против потусторонних демонов зла и на весенние преобразования новогоднего мира. Все это согласуется с именем Индры — «Яйца», и подтверждается именем его брата Мартанд(р)ы — «Мертвого яйца». Происходящие от них «Человеко-Мужчины» или же «Мужественные» Андроны, Андреи, Ондрии отражают мифы о подвигах первого и прашурской сути второго (Мартанда — арийский прародитель людей).

Все это весьма отлично от фашистских интерпретаций «идеального воина». Оказывается, он не разрушает и губит — а освобождает и возрождает. Его оружие — орган воспроизводства жизни, — и эта символика доживает до скифских мечей-акинаков и до современных стел над могилами воинов. Еще и скифы не «убивали», а «перерождали» врага; и не «штык», а «фаллос» поныне вздымается над неизвестным солдатом.

Оружие богоборцев-титанов

Вспомним снова о том, что в древнейшем индоевропейском государстве Аратте, с конца V тыс. до н.э. обосновавшемся на украинском правобережье Днепра, обнаруживаются специфические комплексы изначального родства славянской, греческой, индийской культур, спаянных тесными взаимосвязями араттов и ариев. К таковым комплексам относится соперничество божественных отцов и сыновей Дьяуса — Индры (Рудры, Кришны-Гопалаи), Дия (Дзеуса-Зевса) — Аполлона, Дива — Купалы.

Главнейшим атрибутом младшего славянского божества, то есть Купалы, был куст или сноп полевых растений; греческого божества — стрелы; индо-арийского — стрела, копье, палица, булава, топор и т.п. Ясно, что первый из вышеназванных атрибутов — древнейший; он восходит к аратто-арийским брасманам — подстилкам из соломы или

же связкам прутьев и проч., которые со-проводжали молитвы и представлялись не столько оружием, сколько магическим орудием воздействия на «Небеса» (что означали имена Дьяуса, Дива и Дим). Реминисценции этого орудия обнаруживают стрелы и копья. Символика булавы и особенно топоров — посложнее. К ним присоединяется еще фаллическая символика воспроизводства бытия, а также Прайца и орудия преобразования Все-ленной. Это мы уже видели при рассмотрении образа Индры и его палицы-ваджры. Рассмотрим теперь образ его двойника (в вышеуказанном смысле) Аполлона.

Специалисты различают Аполлонов греческих, догреческих и прагреческих или же индоевропейских (3). Греки хранили память о догреческом происхождении своего любимого бога, считая его выходцем из некой «Сверхсеверной» Гипербореи (приднепровской Аратты, как можем мы теперь полагать; память о ней сохранилась в мифическом Ортополисе греков и в доньне существующей местности Артаплот украинцев, а также в почитаемой первыми и знакомой вторым Артемиде близнечной сестре Аполлона). Действительно, именно в низовьях Днепра удалось обнаружить древнейшее воплощение Аполлона, а заодно и его отца-соперника Зевса. Здесь они оказались лет на 100 древнее своего первого, еще догреческого упоминания в списке богов острова Крита XVII века до н.э.

Подкурганное захоронение мужчин, воплощавших Зевса и Аполлона, было обнаружено у с. Кайры недалеко от Каховки. Останки того и другого имели явные следы жреческих манипуляций, о воинских же судить нет оснований. Подобающее обстоятельство засвидетельствовало и погребальный инвентарь обеих могил; и хотя топор и стрелы второй можно считать за оружие, однако общее доминирование атрибутов мастеров-демиургов не вызывает сомнений.

Судите сами. Катакомба с останками «Зевса» располагалась «со стороны смерти», у южной полой кургана; к тому же покойник был обращен головой к закату летнего солнца. «Аполлона» же, напротив, разместили у северной, «небесной» полой и обратили головой к восходу весеннего солнца. Вместе с тем первого из них уложили в вытянутой «активной» позе, а второго — в «пассивной» эмбриональной. Кроме того, «возрождение Аполлона» ритуально усложнили такими моментами: перед помещением во чревовидную камеру труп или даже живого человека жгли на костре да еще и вставив вместо глаз горящие угли (ярчайшее проявление огненных испытаний — ордалий), затем его руки связали нашейным ремешком с амулетами. В амулетах прослеживается символика небесного противоборства Ориона с Тельцом. Последний представлен был шариком, увенчанным рожками и (с противоположной стороны) кругом с крестом. Последний знак издревле символизирует и солнце в зените, и пущенную в небо стрелу. Семь (излюбленное число Аполлона, а вместе с ним и Тельца) кремневые

наконечники которых завершали погребальный инвентарь «Аполлона».

Этот комплекс состоял из каменно-го топора над правым плечом и кремне-вого ножа у конца его рукояти (у лок-тя), остатков флейты и лука (за тазом). Непосредственное отношение к изготов-лению магических стрел имел ящичек с набором инструментов (за спиной по-койного), а также кремневые заготов-ки, отщепы, желваки. Важно, что пос-ледние происходили из меловой поро-ды, которая была использована для по-сылки останков. Получалось, что подоб-но искрометному кремлю, огнеликии Аполлон рождался из мела и, разорвав смертные путы, изготовившись, уподо-бившись стреле, устремлялся на битву с Зевсом-Тельцом». Примерно так ведет себя в древнейших мифах и догреческий еще Аполлон; впрочем, на Крите и в раннехристианское время показывали ничем не примечательную «могилку Аполлона, в которой бог погребен был простыми могильщиками после убийст-ва его своим отцом-соперником Зевсом; показывали и могилку последнего» (4) Налицо весьма архаические, еще доиндоевропейские представления о сезон-ных, умирающих и воскресающих богах.

Нельзя не заметить некоторой бли-зости «Беззащитного» Аполлона (пред-лагаются и другие трактовки этого име-ни) с Индрой-«Яйцом». Оба они возрож-даются из потустороннего мира с це-лью преобразования белого света, оба восстают против Неба-отца; близки так-же яичная скорлупа и мел в рассмот-ренном выше обряде. К тому же специ-фика использования мела в последнем вполне отвечает греческим мифам о борьбе «меловых» титанов с Зевсом и другими небесными богами; после свое-го поражения 12 (по числу месяцев со-лнечного календаря) титанов были низ-вергнуты в потусторонний Тартар, и лишь XIII (дополнительный месяц лунного ка-лендаря) из них не только уцелел, но и приобщился к небесному Олимпу; тита-ном-олимпийцем стал как раз Аполлон.

Итак, с космогоническими содержа-нием и сущностью как Аполлона, так и его магических стрел мы разобрались. А что же его нож и топор? В ответе на данный вопрос следует исходить из ана-логий в захоронении «Зевса».

Это был не стрелодел-лучник, а куз-нец-металлург, что засвидетельствовано тремя разновеликими ковшиками для разливки расплавленной бронзы (у ног), а также пестом-наковальней (между ногами повыше коленей) и растиральни-ком (над правым плечом). Два послед-них предмета сопровождалась каменны-ми ножами, помещенными — как и при топоре «Аполлона» — у их рукоятей... В очерченных признаках обнаруживаются соответствия иному, малоазийскому божеству (или, точнее, демону потусто-роннего мира). Это был Улликумме, ко-торый — подобно вышерассмотренным

воплощениям Аполлона и Индры — родился от некой скалы. Его отец, владыка потустороннего мира, поместил Ул-ликумме дозревать на правом плече подводного колосса — и младенец стал тянуться к небесам наподобие булавы или фаллоса, обеспокоенный громовер-жец, владыка небес, собрал богов на совет — и они порешили пресечь корень чудовища кремневым ножом, которым некогда были разъединены Мать-Земля и Небо-Отец. В данной мифе обнаруживаются сходства с греческими мифами о смене Океана-Урана-Кроноса-Зевса. Древнейший образ последнего почитался на Крите как Зевс Талейский или же Талое — «Морской». Это был меднолитой гигант с затычкой в пятке. Один из героев «Арго», плившего в кавказскую Колхиду за «золотым руном» (шкурой Овна, посвященного олимпийскому Зевсу) под покровительством самого Аполлона, поразил Талоса в эту затычку стрелой — отчего тот упал в море со скалы и погиб.

Как видим, индоевропейские и арийские мифы куда космогоничнее греческих. В последних принято усматривать начало начал европейской культуры — но это, как видим, не так. В действительности греческие представления (в частности, об оружии, рассматриваемом в данном разделе) куда примитивнее, утилитарнее своих древних истоков. И очень важно понять, что это не было деградацией культуры в привычном понимании слов; нет, становление Греции ознаменовало увядание исконной сути и расцвет новой формы.

На этом важнейшем моменте нашей работы остановимся ниже, в последнем разделе. А сейчас подытожим наше ознакомление с сущностью оружия в арийской и последующей гиперборейской (поздней арапской, догреческой) культурах.

Вопреки расхожим представлениям об изначальной воинственности арийских племен, факты раскрывают иную картину. К сказанному выше об Индре и его чудодейственной ваджре добавим, что в известных нам захоронениях с воплощениями этого «идеального воина» оружие представлено лишь двумя довольно невыразительными ножами. Их можно бы принять и за орудия труда, однако в обоих случаях погребения «Индры» противопоставлены змеям, символизирующим потустороннее зло... К тому же подсчитано, что на 1000 арийских погребений Дунайско-Днестровского междуречья, к примеру, пришлось 12 наконечников стрел, 9 топоров, 15 ножей и ни одной булавы; следов ранений не обнаружено вовсе. Опять же, по крайней мере часть вышеуказанных предметов могла иметь преимущественно хозяйское и магическое предназначение, а случаи убийства могли носить не военный, а ритуальный характер. Свидетельства о военизации арийского общества появляются лишь в канун их частичного переселения в Индию, под конец первой половины II тыс. до н.э. Но и тогда на десятки тысяч погребений, исследованных археологами от Балкан до Алтая, приходится менее десятка братских могил погибших в бою. Не обходилось без ритуализации сражений и

здесь. Так, в братской могиле Пепкинского кургана (Среднее Поволжье) воины оказались все обезглавлены, причем некоторые черепа были все же приставлены к трупам, а некоторые не удалось отбить у врага.

Из текстов Ригведы и прочего нам известно, что оружием Индры выступала порою не палица-ваджра, а ритуальная чаша или игральные кости; *что мудрость ставилась превыше силы даже этим воителем.*

Его оружие призвано было не уничтожать мир и врагов — а созидательно преобразовывать их, улучшать. Воинские усилия при этом непременно сопрягались с самоотверженным преодолением небытия, с отвагой и мужеством, основанными на уверенности в бессмертии и на идеале Спасительства.

В культах гиперборейских Аполлона и Зевса все это стало меняться.

Сокровеннейшие тайны арийской военной доктрины

Из сказанного в предыдущих разделах выделим поначалу два важнейших для раскрытия вышеозначенной темы момента: аратто-арийские священнослужители радели, прежде всего, о душе народа, т.е. о его биополе; становление греческой культуры ознаменовало увядание сути этой индоевропейской традиции и расцвет новой формы ее.

Таким образом, Восток (Тибет, Индия и др.) оказался прямым наследником исконной аратто-арийской культуры (а значит и основ военного дела), тогда как Запад (Греция как родоначальница европейской культуры) стал неким ее ответвлением; тупиковым, как пока-зала дальнейшая история «самого передового, материалистического учения» в России и лагере социализма.

В отличие от особо пораженной иудаизмом и марксизмом России, Запад уже с рубежа XIX-XX веков стал довольно успешно выбираться из такого тупика. Вивекананда и Шарден указали ему путь воссоздания былого единства и величия индоевропейской культуры; Фрейд и Гитлер хоть и в примитивнейших, переходящих в антигуманные, формах, но все же открыли инструменты практического воссоздания; Юнг написал это все гуманизмом; Моуди, Гроф и их единомышленники придали этому гуманизму

вселенский статус качественно нового уровня развития брахманских традиций. В данном русле становятся очевиднее истинные глубины и древнейшей в мире арийской военной доктрины. Заглянем же в эти глубины!

Историк и психоаналитик К.Г.Юнг, сравнивая современную и древнюю культуры, справедливо заметил, что «мы стали богатыми в познаниях, но бедными в мудрости». По его авторитетному мнению, интуиция древних (отчасти — сохраненная экстрасенсами и поэтами нового времени) намного превышала «сознательный разум» и потому была способна к пророчествам. Их даром в какой-то мере осеялись Вивекананда и Юнг, когда накануне I-й мировой войны увидели вдруг — наяву и во снах — залитую кровью Европу. По Юнгу, в подсознании помимо предвидений существуют и генетические прототипы опыта былых поколений (не только людей и животных их предков, но, по-видимому, и предыдущих состояний материи), которые исследователь назвал архетипами коллективного бессознательного. Именно в них усматривал он, в частности, истоки войны: «С древних времен мудрецы понимали, что какие бы то ни было внешние условия — лишь повод для действительно грозных опасностей, а именно социально-политических безумств, которые не являются всецело необходимыми следствиями внешних условий, но прежде всего порождаются бессознательным».

Древние мудрецы — особенно брахманы арийских племен — умели справляться с такими безумствами, а современные политики — нет. Ибо первые основывались в своем искусстве на подсознании — а не сознании, на архетипах — а не на лозунгах, на поледуше — а не на веществе-теле. Священнослужители интуитивно понимали то, к чему начинает приближаться наша наука: «В контексте традиционного подхода механистической науки людей можно представить себе как отдельные ньютоновские объекты — сложные биологические машины, состоящие из клеток, тканей и органов. Однако недавние открытия подтверждают утверждения древней философии и великих мистических традиций, что люди являются также бесконечными полями сознания, превосходящими пределы времени, пространства и линейной причинности. Это представление сходно с известным парадоксом частиц и волн в отношении материи и света, описанном в принципе дополненности Бора» (5).

В свете сказанного вполне очевидно, что не механистическое понимание силы, а умение концентрировать свое биополе и подключать его к энергетическим узлам мироздания — вот первооснова сохраненных и развитых Востоком боевых искусств арийских и прочих племен. На арийской прародине реминисценции этих искусств отчетливо прослеживаются в культуре древнейших черкасско-запорожских казаков (6).

Решающим аргументом в пользу существования бессмертной души или «остаточного разумного биополя» является открытие врачом-реаниматором Р. Моуди реальности потустороннего мира, о котором рассказывают перенесшие клиническую смерть, большинство из воскресших повествуют о своем полете через темный туннель, в конце которого все ярче сияет *некое* воплощение наивысшего разума-света-любви. Модели такого туннеля встречаются уже в древнейших арийских курганах, а позднейшие (кануна частичного переселения ариев в Индию и др.) почти сплошь представляют собою эти модели.

На данном обстоятельстве следует остановиться особо, ибо оно связано и с рубежом подразделения индоевропейской культуры на Восток и Запад (причем Русь поныне сохраняет некое срединное состояние), и с истоком постарийских (скифо-античных и последующих) военных доктрин.

Итак, древнейшие проявления общности арийских пламен обнаруживаются в устье Пела, в районе курганов Кор-милица и Цегельня (7). Прежде чем стать местами захоронений, они служили святилищами с выразительнейшими следами зарождения основного, змееборческого мифа Ригведы и производного от него учения о йогической змее Кундалини. Важно, что одновременное арийское поселение (у с.Деревка) располагалось не вблизи этих курганов, а на противоположном берегу Днепра. Это было обусловлено, в конечном счете, необычайно мощной энергетикой устья Пела — где совмещаются геомагнитная, радиационная и гравитационная аномалии. Вполне очевидно, что брахманы каким-то образом обнаружили данный район и использовали его для подпитки своей экстрасенсорики, а также для повышения духовности и жизнестойкости своих соплеменников.

Важно, что на протяжении двух тысячелетий (между серединами IV-II тыс. до н.э.) в этих курганах последовательно сменялись архетипы зачатия, формирования эмбриона, возрождения, вознесения. Соответственно менялись и воплощающие их мифоритуалы: зародыша новогоднего мироздания Валу под защитой змия Вритры, йогических Кундалини с Пингалой и Идой, Матери-сырой-Земли, «Небесной бадьи». При этом курганы обретали все более удлиненные очертания и строительство их завершилось парой костров, освятивших и груди Матери-Земли, и конечные положения «Небесной бадьи». Подобное завершение прослежено и в верхней досылке Великой Могилы вблизи Перекопа (см. начало работы). А верхняя досылка Высокой Могилы у с.Староселья (Херсонщина, междуречье Ингульца и Днепра) представляла собой вполне очевидный туннель со светом, любовью и разумом.

Это было сделано так. Между соседствующими курганами насыпали вал, вдоль которого соорудили из камней коридор (покрыв его, очевидно, ветвями и дерном). Концы коридора были обращены к закату летнего и восходу зимнего солнца, — так что он, вероятно, служил и для календарно-астрономических наблюдений. Но не только: внутри коридора временами разжигались костры — вероятно, для огненных испытаний-ордалий проходивших здесь некие посвящения в таинства. Поскольку большому кургану придали символику Солнца, меньшему — Луны, а коридору между ними — Млечного Пути, — то таинства можно предполагать в «Свадебном гимне» Ригvedы, повествующем о бракосочетании Месяца-жениха с Солнцем-невестой, едущей к суженому Млечным Путем.

В строении подобного «длинного кургана» у Кичкаса (район Днепроvских Порогов) удалось проследить не только обсерваторию и коридор, но также каменные воплощения Кундалини, Пингалы и Иды, семи проходимых последними чакр. Можно привести и другие примеры весьма выразительных моделирований «Туннеля бессмертия». В некоторых курганах было прослежено, что строительство и захоронения в них завершились единственным тут трупосожжением — своеобразным воплощением «Света в конце Туннели бессмертия».

Ну как тут не вспомнить финал «Тараса Бульбы» гениального Гоголя, другие огнеподобные проявления высочайшего героизма: огнеликого титана-богоборца Аполлона, похитивших огонь греческого Прометея и его арийского собрата Матаршвана, славянских бога-тырей побеждающих змиев-горынычей, молдавского Данка с его факелом-сердцем. Ими всеми движет забота о людях, сопричастность к жизни-или-смерти народа. Заметно, что огонь здесь не столько высший символ усилия, но и знак сожжения плоти во имя возвышения духа.

Содержащий все это в себе как в зародыше, основной миф арийской Ригvedы доныне живет на Руси, и для специалиста не составляет труда распознать его под наслоениями христианской религии.

Основной миф ариев по форме несложен: герой Индра отвоевывает у змия Вритры зародыш новогоднего мироздания Валу, раскалывает его своей чудодейственной палицей-ваджрой и выпускает наружу весенние воды, солнце, стада. Содержание *мифа*:

мистерии, приурочивавшиеся к весеннему равноденствию. А вот суть — намного сложнее. По авторитетному заключению Ф.Б.Я.-Кейпера, в основе данного мифа лежит архетип зачатия: половой акт и слияние сперматозоида с яйцеклеткой-Валой.

В могильнике у с.Кайры удалось проследить, что основной арийский миф был сохранен киммерийцами (потомками индийской ветви арийской или, как условно ее называют ученые, индоиранской общности), а от них его восприняли сменившие их скифы (потомки иранской ветви). При этом скифы трансформировали данный миф в известную легенду о своем происхождении от местной змееногой богини и заезжего греческого Геракла: «Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею... Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видали ли она где-нибудь его заблудившихся Коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь». В кургане скифского вождя этот сюжет воплотили в погребении его дочери: у входа в ее подземелье похоронили юношу с парой уздечек под головой. Однако, записывая данную легенду, «отец истории» Геродот подчеркнул, что сочинили ее не скифы, а греки, живущие в Северном Причерноморье. Такое противоречие снимается обнаружением в том же Каирском могильнике древнейших, рассмотренных выше воплощений Аполлона и Зевса — которые указывают нам на общий корень (индоевропейскую Аратту в междуречьях Днестра и Днепра) хотя бы некоторых индоиранских, греческих, славянских племен.

Действительно, легенда о казаке, освободившем царевну из змиевой пещеры на острова Перун (где, кстати, находилась уникальная мастерская гирборейцев по изготовлению магических топоров) доныне бытует в украинском Поднепровье. С Гераклом и змееногой богиней роднят эту пару три сына и другие детали. Средневековое заимствование из античной «Истории» Геродота? Может и так. Однако в любом случае языковеды обнаруживают родство «Прославленного богиней Герой» Геракла со славянским Ярославом-Ярилой. Последний представлялся нашим предкам мужским божеством летнего солнцестояния, наделенным мощными функциями воспроизводства жизни и преодоления смерти. Помимо этих признаков, с Гераклом и Герой сближается он посредством Геровита-Яровита прибалтийских славян, а также белорусской Ярилы, которая представлялась девицей на белом коне со снопиком пшеницы в одной руке и человеческой головою в другой.

Змееногая Праматерь почиталась на Руси до XVI века включительно. Ее изображали на медальонах-«змеевиках», которые носились напоказ поверх настоящих крестов; при этом, правда, «по-тусторонняя ехидна» обращалась к груди, а наружу выставлялся архангел Михаил с мечом или, изредка, иной христианский святой. Позже эта языческо-православная пара была вытеснена св. Георгием — который еще до своего крещения прославился спасением принцессы из змиевой пещеры и, по сути, стал наследником былых змиеборцев.

Арийская доктрина победы

Автор: Юрий Шилов
08.04.2011 20:31 -

Считается, что высшая воинская на-града православной Руси — крест свя-того Георгия Победоносца, совершив-шего свои ратные подвиги во славу хрис-тианской религии. Что ж, по форме это все так. По историческому же содер-жанию — это реминисценция основных индо-европейского и арийского мифов о змиеборцах. А по сути — орден св. Ге-оргия вовсе не символ побед и убийств, а воплощение архетипа зачатия новой жизни и перерождения зла во имя тор-жества добра на нашей многострадаль-ной земле.

В качестве иллюстрации, завер-шаю-щей «Арийскую военную доктрину», сле-дует привести отрывок одного из ведических гимнов, воспевающих воителя Индру:

Я приношу молитву самому щедрому высокому Индре,

С высоким богатством, сильному, с истинным пылом,

Чью щедрость трудно сдержать, словно стремнину вод,

Щедрость открытую так насовсем, чтобы видели силу...

Велико твое мужество, Индра. Поэтому мы все — твои.

Исполни желания нас, восхвалителей, щедрый!

Высокое небо уступает тебе в мужестве, Индра,

И земля склоняется пред твоею непреодолимою силой.

Ты, о Индра, великую гору Валу

Дубиной грома, о громовержец, расколол на куски;

Ты выпустил плененные было Вритрою воды.

Один, ты несешь всю силу, собранную воедино.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь.— М., 1983; Н.К.Велецкая. Языческая символика славянских архаических ритуалов.— М., 1978.

2. Ф.С.Б.Я. Кейпер. Труды по ведийской мифологии. — М., 1986;

Ю.А.Шилов. Космические тайны курганов. Собрание соч. — Киев, 1996.

3. А.Ф.Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. — М., 1957;
А.Г.Кифишин. Геноструктура догреческого и древнегреческого мифа. Образ-смысл в античной культуре.— М., 1990.

4. См. в вышеупомянутой книге А.Ф.Лосева.

5. С.Гроф. Путешествие в поисках себя. — М., 1994.

6. Савур-могила. Легенда і перескази нижньо надніпряниці. — Киев, 1990 г.;
Ю.А.Шилов и др. Келеберда — село на Полтавщині!. — Кременчуг, 1995.

7. Ю.А.Шилов. Прародина Ариев. — Киев, 1995.